

УДК 80/81
ББК 81-5
О 82

Книга подготовлена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Издаётся при поддержке издательского проекта РГНФ № 16-04-16107

Редакционная коллегия:
член-корр. РАН *В. М. Алпатов*,
канд. филол. наук *И. А. Борисова* (отв. секретарь),
д-р филол. наук *В. В. Потапов* (руководитель изд. проекта, отв. ред.),
канд. филол. наук *Н. Н. Трошина*

О 82 Отечественные лингвисты XX века / Отв. ред. В. В. Потапов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 808 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-3-6

В справочнике представлены аналитико-информационные статьи о научном наследии выдающихся отечественных языковедов, внесших огромный вклад в историографию лингвистики, разработку проблем структурной организации языка, его исторического развития и функционирования. Представлены различные парадигмы языкознания, с позиций и в рамках которых ведущие специалисты в области различных частных филологий проводили свои исследования по важнейшим проблемам лингвистической науки. Данное издание посвящено памяти исследователя русской лингвистической школы, бессменного руководителя на протяжении многих лет сектора «Языкознание» ИНИОН РАН, профессора, доктора филологических наук Федора Михайловича Березина.

Справочник ориентирован как на лингвистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественного языкознания.

УДК 80/81
ББК 81-5

*В оформлении переплета использована картина А. Шевелёва
«Костромская слобода. Март» (2015)*

ISBN 978-5-9908330-3-6

© Издательский Дом ЯСК, 2016
© Авторы, 2016

О. В. ФЕДОРОВА

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ КИБРИК

Александр Евгеньевич Кибрик (26.03.1939—31.10.2012) — выдающийся российский лингвист, педагог и организатор науки, профессор Московского университета, член-корреспондент РАН и Британской Академии наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Дагестан. Автор более 300 работ, в том числе 45 книг, по теории языка, синтаксической типологии, функционализму, кавказоведению, автоматической обработке текста и искусственному интеллекту, когнитивно-ориентированному подходу к языку, истории языкознания. Создатель российской школы полевой лингвистики, организатор более 40 лингвистических экспедиций. Ведущий преподаватель отделения теоретической и прикладной лингвистики (ТиПЛ) филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, с 1992 по 2012 гг. — заведующий кафедрой ТиПЛ.

Александр Евгеньевич Кибрик родился 26 марта 1939 г. в Ленинграде в семье известных художников Евгения Адольфовича Кибрика и Лидии Яковлевны Тимошенко. Выбрав для себя другой профессиональный путь, Александр Евгеньевич всю жизнь не только бережно хранил память о родителях, но и многое делал для увековечивания их творческого наследия. Особенно это относилось к творчеству Лидии Тимошенко, незаслуженно мало оцененному при жизни. По итогам двадцатилетней (1984—2004) работы с архивом Тимошенко А. Е. Кибрик издал книгу о ее творчестве [Кибрик (сост.) 2004], о которой ведущий эксперт в области истории отечественного искусства 1920—1930-х гг. Ильдар Галеев отзывался так: «...я ощутил искреннюю любовь и трепетное отношение не только сына к своей матери, но и зрителя-знатока — к художнику и его творчеству. Такую степень откровенности и пронзительной эмоциональности нечасто ожидаешь от ученого с мировым именем. <...> Причем ученого из совсем другого мира — не искусствоведческого. Но книга, подготовленная им, вероятно, надолго останется пособием для многих из круга историков искусства, благодаря нестандартному подходу и свежим, оригинальным решениям» [Галеев 2014: 677]. В 2005 г. А. Е. Кибрик и И. И. Галеев провели боль-

шую персональную выставку Лидии Тимошенко с изданием каталога [Кибрик, Галеев (сост.) 2005].

В 1941 г. А. Е. Кибрик был эвакуирован в составе семьи, с 1944 г. жил в Москве. В 1956 г. он поступил на отделение классической филологии филфака МГУ, где его учителями были С. И. Радциг и А. Н. Попов. Учась на четвертом курсе, он заинтересовался лингвистикой и начал ходить на лекции только что открытого отделения ТиПЛ; научным руководителем его дипломной работы «Спектральный анализ гласных новогреческого языка» стал профессор кафедры ТиПЛ, один из основателей Московской фонологической школы П. С. Кузнецов; при написании диплома А. Е. Кибрик использовал как свое знание греческого языка, так и владение современными лингвистическими методами. Статью в журнале «Вопросы языкознания», опубликованную по материалам диплома [Кибрик 1962], прочитал и высоко оценил А. Н. Колмогоров, оставив для автора такое письмо в редколлегии журнала: «Уважаемый профессор Кибрик, мне понравилась ваша статья. Не могли бы вы прочесть лекцию на моем семинаре?» Так А. Е. Кибрик познакомился с А. Н. Колмогоровым и сделал доклад на семинаре мехмата МГУ [Успенский 2009; Кибрик 2011].

А. Е. Кибрик был одним из самых сильных студентов курса, но в то же время активным и независимым, так что в аспирантуру его не приняли. По окончании университета в 1961 г. он был зачислен старшим лаборантом в лабораторию экспериментальной фонетики при кафедре ТиПЛ. Так началась работа Александра Евгеньевича на кафедре, которой он посвятил всю свою жизнь и на которой последовательно занимал должности мнс, снс, старшего преподавателя, доцента, профессора и заведующего кафедрой. Решающую роль в создании ОТиПЛ сыграли две крупные личности: Владимир Андреевич Звегинцев, первый заведующий, и Владимир Андреевич Успенский, блестящий преподаватель кафедры матлогик мехмата МГУ. Как пишет А. Е. Кибрик, «был начат эксперимент, не имеющий прецедентов. Все надо было начинать с нуля. Не существовало ни учебных планов, ни программ курсов, не было опыта преподавания. Учиться должны были и учителя, и ученики. При всем этом у кафедры было главное — готовность к созидательной работе, открытость ко всему новому и неприятие косности и догматизма. На кафедре царила атмосфера первооткрывательства, молодого задора и безусловной веры в «прекрасное завтра», иными словами, нормальная рабочая атмосфера» [Кибрик 2003: 82].

Однако в условиях советской действительности такое положение дел не могло длиться бесконечно, и в 1982 г. кафедра была расформирована и слита с кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания; в 1988 г. ее удалось восстановить, а в 1992 г. А. Е. Кибрик был избран новым заведующим. Он обладал большими организаторскими способностями: умел брать ответственность на себя в самые сложные моменты, бороться за свои идеалы, когда это было необходимо, объединять вокруг себя людей с настолько разными научными взглядами, что, кажется, они были «не согласны друг с другом ни в чем, кроме одного — что они ученики Кибрика» [Лютикова, Татевосов 2012: 86]. В. А. Плунгян, возглавивший кафедру в 2012 г., пишет, что А. Е. Кибрик «все эти годы был на Отделении, не покинув его и в самый тяжелый период фактического полуразгрома. После ликвидации кафедры в 1982 г. и смерти ее первого заведующего В. А. Звегинцева в 1988 г. именно он оказался тем

человеком, который смог взять на себя руководство возродившейся кафедрой и, уже в новых условиях, блестяще продолжить все ее традиции. При Кибрике кафедра развивалась уже как полноценный научный организм, реализуя многое из того, что не удалось или было невозможно сделать в первый, «романтический» период ее существования. То, что Кибрик оказался в то время в том месте — огромная историческая удача. Наверное, никакого другого хоть отдаленно пригодного кандидата на эту роль тогда не существовало; по крайней мере, представить себе кафедру последних двадцати лет без Кибрика абсолютно невозможно» [Плунгян 2012: 12].

Обладая исключительным организаторским даром, А. Е. Кибрик был также и незаурядным педагогом, он читал на ОТиПЛ курсы «Введение в науку о языке», «Общий синтаксис», «Синтаксис русского языка», «Лингвистическая типология», «Структура неиндоевропейского языка», «Полевая лингвистика», «Структура информационного диалога», «Общая типология предложения» и др. Под его руководством было защищено 32 кандидатских диссертации и более 100 дипломных работ. А. Е. Кибрик читал курсы лекций в университетах Бразилии (1989), США (1991), Англии (1993), Германии (1994), Австралии (1995), Финляндии (2000), Австрии (2000) и Франции (2003).

А. Е. Кибрик стоял у истоков замечательного кафедрального начинания — лингвистических олимпиад для школьников, идея создания которых принадлежала А. Н. Журиному, в то время студенту ОТиПЛа. I традиционная олимпиада по языковедению и математике, оргкомитет которой возглавил В. А. Успенский, была проведена в 1965 г. и с тех пор с небольшим перерывом в 1980-х гг. проходит ежегодно; все эти годы А. Е. Кибрик был бессменным членом Оргкомитета и более 25 раз его председателем; многие сочиненные им задачи вошли в золотой олимпиадный фонд и многократно переиздавались (напр., [Алпатов и др. 1972]). «Кроме всего прочего, это была воспитательная работа в истинном значении этого слова, — отмечает А. Е. Кибрик, — олимпиада, кроме своей прямой агитационной функции, выполняла также объединяющую роль на отделении: в неформальной обстановке и на добровольной основе студенты разных курсов вместе с преподавателями и аспирантами делали общее дело на благо своего отделения» [Кибрик 2003: 85].

Кроме работы на кафедре ТиПЛ, с 2004 г. А. Е. Кибрик возглавлял отдел лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ. Он являлся членом многих научных обществ — Association for Computational Linguistics, Society for the Study of Caucasia, Societas Caucasologica Europea, Association for Linguistic Typology, Linguistic Society of America, был зам. главного редактора «Вопросов языкознания», входил в редколлегию «Linguistic typology».

А. Е. Кибрик был талантлив во всем, чем бы ни занимался, и три разные его ипостаси — ученого, педагога и организатора науки — настолько гармонично в нем переплетались, что их трудно оценивать и описывать по отдельности. Научная карьера Александра Евгеньевича началась со статьи по экспериментальной фонетике, но уже в 1962 г. он стал работать в области **автоматической обработки текста и искусственного интеллекта**; в тот год на кафедру обратился Д. Ю. Панов, ведущий специалист по машинному переводу, с предложением заключить договор на проведение работ по автоматической обработке. Этот хозяйственный договор —

аналог западной системы грантов — стал первым в истории факультета, руководил им В. А. Звегинцев, а ответственным исполнителем был А. Е. Кибрик. В 1965 г. по тематике этой работы он защитил кандидатскую диссертацию «Модель автоматического анализа письменного текста (на материале ограниченного военного подъязыка)», руководителем которой был П. С. Кузнецов; в 1970 г. она была опубликована в виде монографии [Кибрик 1970].

Исследования А. Е. Кибрика в области искусственного интеллекта продолжалась более трех десятилетий; особенно плодотворным стал период его сотрудничества с А. С. Нариньяни — талантливым и самобытным ученым-математиком, работавшим в Новосибирском Академгородке, а в 1991 г. основавшим НИИ Искусственного интеллекта в Москве. Важной вехой на пути этого сотрудничества стала коллективная монография [Кибрик, Нариньяни (ред.) 1987], в которой были заложены основы когнитивно-ориентированного подхода к моделированию языковой деятельности. Еще одна успешная хоздоговорная тематика, разрабатывавшаяся группой Кибрика совместно с А. С. Нариньяни с середины 1980-х гг., — моделирование деятельности оператора справочно-информационной службы 09 г. Москвы [Кибрик 1992: 301—313].

Другим важным проектом, инициированным А. С. Нариньяни в 1970-х гг., оказался междисциплинарный семинар, объединивший специалистов по искусственному интеллекту, лингвистов, психологов и философов. Как вспоминает А. Е. Кибрик, этот уникальный ежегодный зимний семинар проходил в 1975—1989 гг. в Эстонии, и в какой-то момент родилось и постепенно закрепилось его название — «Диалог». Сегодня «Диалог» превратился в крупнейшую в стране международную конференцию по компьютерной лингвистике; все это время Александр Евгеньевич активно участвовал в работе «Диалога», а в последние годы был главным редактором сборника материалов конференции. Размышляя о вкладе А. Е. Кибрика в компьютерную лингвистику, нынешний организатор «Диалога» В. С. Селегей пишет: «Но на руинах прежних романтических представлений о возможности преобразовать имеющиеся грамматики и словари в эффективно работающие автоматические устройства анализа текста возникает новое понимание компьютерной лингвистики как неотделимой части лингвистики в целом. И роль А. Е. Кибрика в формировании такого понимания невозможно переоценить. Новая «лингвистическая» компьютерная лингвистика, взявшая на вооружение все те методы и инструменты, которые разработали и продолжают разрабатывать инженеры, обращена к своей исконной задаче исследования языка. (...) А. Е. Кибрик никогда не переставал быть компьютерным лингвистом в таком понимании этой науки» [Селегей 2012: 123].

Именно на семинаре «Диалог» в 1982 г. А. Е. Кибрик впервые изложил свои знаменитые «Лингвистические постулаты», которые можно назвать манифестом современного *функционализма* — лингвистического подхода, при котором форма языка объясняется через его функции [Кибрик 1983/1992: 17—27]¹. Анализируя «Постулаты...», крупнейший современный историк отечественного языкознания В. М. Ал-

¹ Наиболее полно теоретические взгляды А. Е. Кибрика представлены в двух монографиях: «Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания» [Кибрик 1992] и «Константы и переменные языка» [Кибрик 2003]; в этих книгах содержатся некоторые ранее опубликованные

патов пишет, что А. Е. Кибрик «как никто другой в отечественном языкознании, отразил в своих публикациях происшедшую во второй половине XX в. смену научной парадигмы, переход от изучения языка “в себе и для себя” к исследованию языкового функционирования. (...) В ранних публикациях А. Е. Кибрик еще находился под влиянием модели “Смысл↔Текст”, но к началу 1980-х гг. он пришел к выводу о том, что и ей свойственно ограничение подходов: “Практически все существующие модели языка, как статические (...), так и динамические (...), страдают недоучетом функциональной предопределенности языка, производности его от речевой деятельности и прагматических условий его использования”» [Кибрик 1992: 16; Алпатов 2013: 18].

Первый из восьми постулатов Кибрика — «адекватная модель языка должна объяснить, как он устроен “на самом деле”», противопоставляет данный подход методу «черного ящика», характерному для структурализма. Полноценное моделирование языка невозможно в рамках внутренней лингвистики по Ф. де Соссюру, отсюда вытекает второй постулат Кибрика: «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики». Третий и четвертый постулаты определяют роль семантики: первый противопоставлен генеративной модели Н. Хомского: «как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем», а второй определяет ее границы: «к области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания». Пятый постулат полемизирует с моделью «Смысл↔Текст», которая отказывается от рассмотрения мышления: «необходима разработка лингвистических моделей класса “мысль-сообщение”». В качестве эпиграфа к этому разделу А. Е. Кибрик приводит слова Э. Сепира: «Вопреки распространенному, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль» [Сепир 1993: 36]; стоит отметить, что А. Е. Кибрик исключительно высоко ценил Сепира и в предисловии к сборнику его трудов писал: «Создается впечатление, что Сепир приходит к нам не столько из прошлого, сколько из будущего, и его общечеловеческий взгляд на язык — это намек на то, к какому рубежу лингвистике еще предстоит подойти» [Там же: 22]. В шестом постулате А. Е. Кибрик не соглашается с традиционным путем от формы к значению, полагая, что процесс должен идти в обе стороны, но прежде всего от значения к форме: «исходными объектами лингвистического описания следует считать значения». Седьмой постулат — «устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» — призывает искать неочевидные мотивированные состояния. Наконец, самый часто цитируемый восьмой постулат Кибрика гласит: «сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто».

В. М. Алпатов, подчеркивая значение этой статьи, пишет: «В начале 1980-х гг. не все лингвисты того лагеря, к которому он принадлежал, поддержали его постулаты, но время подтвердило их правильность. Теперь (...) в мире преобладают два

статьи, переработанные автором специально для этих изданий; при ссылках на такие работы указываются они обе, с номерами страниц по тексту монографий.

направления: так и не завоевавший у нас господства генеративизм и так называемый функционализм. Последнее направление не образует единства, но его представители в разных странах объединяются некоторыми общими принципами, многие из которых, как мне представляется, были удачно два-три десятка лет назад сформулированы А. Е. Кибриком» [Алпатов 2013: 26], а Я. Г. Тестелец, описывая «Постулаты...», называет свою работу «Неизбежность “Лингвистических постулатов” 1982 г.» [Тестелец 2012]. Таким образом, уже в 1980-е гг. А. Е. Кибрик отходит от господствующих тогда идей структурализма и начинает прокладывать свой собственный путь в науке, формулируя идеи, перекликающиеся с идеями крупнейших функциональных лингвистов XX в. У. Чейфа, Т. Гивона, Дж. Байби и др.

Однако наиболее «многофакторный» раздел лингвистики, в котором все три таланта Кибрика гармонично слились воедино — это *полевая лингвистика* (Сам термин «многофакторный» был впервые употреблен им в предисловии к [НЗЛ 1982], когда об этом еще мало кто писал). Более того, именно благодаря уникальному сочетанию научного, организаторского и педагогического талантов Александру Евгеньевичу удалось создать новое направление в отечественном языкознании, успешно провести четыре с половиной десятка лингвистических экспедиций и подготовить бесчисленное количество учеников.

Полевая лингвистика возникла в начале XX в. в США благодаря работам этнолога и лингвиста Ф. Боаса, эту традицию продолжили Л. Блумфильд и Э. Сепир; в нашей стране до 1960-х гг. полевые исследования языка были почти неизвестны. Полевая лингвистика, согласно А. Е. Кибрику, во-первых, предполагает выезд в поле, то есть работу в привычной для носителей изучаемого языка (информантов) обстановке. Во-вторых, она располагает особыми методами сбора и описания языка. В-третьих, полевое исследование состоит в первую очередь из работы непосредственно с носителями изучаемого языка, а не с существующими грамматиками и текстами. В-четвертых, изучаемый язык обычно изначально неизвестен исследователю. В-пятых, этот язык является в целом малоизученным, а часто и не имеет письменности. Наконец, полевая работа в рамках школы Кибрика осуществляется не одиночными исследователями, а коллективным методом [Кибрик 1972; 2004].

Идея А. Е. Кибрика организовать в качестве студенческой летней практики лингвистическую экспедицию родилась в 1966 г., когда в разговоре с В. А. Звегинцевым он посетовал на недостаток у студентов практических навыков работы с неизвестными языками, а уже летом 1967 г. она была успешно реализована. Звегинцев предлагал поехать на Памир (до 1950 г. он жил и работал в Ташкенте), но Кибрик выбрал Кавказ; одним из первоначальных толчков к этому было его близкое знакомство с Хадисом Гаджиевым, лакцем из Дагестана. С лингвистической точки зрения горный Дагестан — один из самых многоязычных и разнообразных регионов на Земле, а с точки зрения суровой красоты горных ландшафтов ему, возможно, и вообще нет равных. Оба обстоятельства покорили сердце Александра Евгеньевича, заставляя возвращаться в Дагестан снова и снова, в том числе и в беспокойные годы. Собрал и проанализировав огромный языковой материал, А. Е. Кибрик стал крупнейшим в мире специалистом по языкам Дагестана, особенно много сделав в области описательного кавказоведения и синтаксической типологии.

Первая экспедиция, проведенная в селение Хурхи (лакский язык), оказалась для А. Е. Кибрика серьезной школой самообразования, когда пришлось на месте учиться работать с информантами, создавать транскрипцию, организовывать быт. Важным историческим событием экспедиции стало путешествие в Арчи: «Как-то в случайном разговоре с местными жителями я услышал, что за перевалом есть уникальное селение Арчи, в котором говорят на особом языке, и такого языка больше нигде нет» [Кибрик 2007: 311]. С тех пор благодаря А. Е. Кибрику арчинский язык — бесписьменный нахско-дагестанский язык лезгинской группы, на котором говорит 1200 человек, превратился в один из самых качественно описанных и наиболее цитируемых «малых» языков мира.

А. Е. Кибрик ездил в Арчи неоднократно, но первая экспедиция в 1968 г. знаменательна сразу двумя именами. Во-первых, начиная с этой поездки, его постоянным соратником в экспедициях стал Сандро Васильевич Кодзасов — выдающийся отечественный фонетист, многолетний коллега и ближайший друг. «Мы разделили зоны влияния, — пишет А. Е. Кибрик, — Сандро, специализировавшийся в фонетике, взял на себя фонетическую часть исследования, а я отвечал за грамматику. В полевой работе с бесписьменным языком фонетика первична, не овладев ею, ничем всерьез заниматься нельзя. И в то же время она очень коварна: не поняв ее главных секретов, можно продолжать мучиться годами с письменной записью языкового материала. Последующая практика показала, что работы для профессионального фонетиста в любом языке непочатый край, и постоянное сотрудничество с С. Кодзасовым было краеугольным камнем в формирующейся модели группового полевого метода» [Кибрик 2007: 313].

Во-вторых, здесь А. Е. Кибрик познакомился с молодым арчинцем, студентом филфака Дагестанского университета Джалилем Самедовым, который имел прекрасное языковое чутье и единственный в селе свободно владел русским языком. Через год удалось перевести его на русское отделение филфака МГУ, после окончания которого Джалил защитил диссертацию по лексике арчинского языка.

Таким образом, у А. Е. Кибрика появилась редкая возможность продолжать работу и в Москве. Результатом многолетних усилий стала докторская диссертация «Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики» (1976) и важнейший фундаментальный труд А. Е. Кибрика — четырехтомная грамматика арчинского языка [Кибрик и др. 1977а; 1977б; Кибрик 1977а; 1977б]. В теоретическом плане грамматика написана в рамках модели «Смысл↔Текст», однако параллельно представлено и традиционное таксономическое описание. Александр Евгеньевич вспоминает, что при подготовке текста в поисках образца перелистал множество грамматических описаний, но не нашел ничего подходящего: «Наиболее типичные недостатки — это нечеткая ориентация на потенциального потребителя грамматики, взгляд на язык через призму национальной лингвистической традиции и родного языка исследователя» [Кибрик 2007: 325]. А. Е. Кибрику удалось создать грамматику нового типа, ориентированную на лингвиста-типолога, с толкованием каждого грамматического значения и большим количеством примеров. Написанная сорок лет назад, арчинская грамматика и по сей день продолжает оставаться идеальным образцом описания естественного языка.

А. Е. Кибрик до конца жизни сохранил верность Дагестану и, в частности, Арчи — его последние экспедиции в середине 2000-х гг. были осуществлены именно туда. И Дагестан отвечал ему взаимностью. Участница экспедиции 2008 г. в Арчи М. Э. Чумакина вспоминает: «...нет арчинца, который бы не слышал имени Кибрика, и тот факт, что он не забыл ни арчинцев, ни арчинский язык, про который он не только все знал как лингвист, но на котором он мог разговаривать, произвел огромное впечатление на арчинцев всех возрастов» [Чумакина 2014: 454]. А соавтор Кибрика по арчинской грамматике 1977 г. Джалил Самедов пишет: «Александр Евгеньевич был не только моим Учителем и Наставником, он стал родным человеком для нашей семьи, для моей мамы, для моих земляков-арчинцев, которые называли его ласково “наш Кибрик”» [Самедов 2012: 120].

Вторым описанным дагестанским языком после арчинского стал хиналугский — одноаульный дагестанский язык в Азербайджане, куда он ездил в 1970 и 1971 гг. Успешному проведению экспедиций способствовал директор школы, народный поэт Хиналуга Рагим Алхас. В Хиналуге впервые была опробована схема иерархической организации коллективной работы, знакомая сейчас каждому экспедиционеру. Все задачи делились на направления: фонетика, грамматика и др.; студенты собирали материал по индивидуальным темам под присмотром руководителя направления, разделившись на группы («кусты»), в которых «старички» руководили «новичками». В 1972 г. вышла монография «Фрагменты грамматики хиналугского языка» [Кибрик и др. 1972], о названии которой рецензент книги — специалист по языкам Кавказа — замечает, что оно «несколько скромно и не соответствует действительности. Книга является весьма полным и последовательным описанием фонологической и грамматической систем хиналугского языка. (...) [Книга] отличается гармоничным сочетанием формализации описательной методики с глубоким пониманием внутренней структуры языка, изобилием иллюстративного материала» [Гигинейшвили 1973: 148—149].

Опыт, накопленный в первых экспедициях, был обобщен в монографии «Полевая лингвистика», которую А. Е. Кибрик по предложению Г. А. Климова написал для академической серии «Теория советского языкознания». После того, как обсуждение рукописи в Институте языкознания в Ленинграде провалилось (в книге слишком подробно, на взгляд рецензентов, описывались достижения американской полевой лингвистики, а советская школа была представлена недостаточно широко), при поддержке В. А. Звегинцева ее удалось издать в издательстве МГУ [Кибрик 1972]. Хотя книга оказалась недоступной широкому читателю, ее заметило крупное международное издательство Mouton, выпустив перевод на английский язык [Kibrik 1977].

Вторая экспедиционная эра началась в 1973 г., когда А. Е. Кибрик поставил новую цель — описать по единой схеме лексику всех 26 языков Дагестана; разработанный тезаурус состоял из 1000 словарных статей и включал не только перевод, но также всю информацию, необходимую для построения парадигмы словоизменения каждого слова. Так как масштаб нового проекта был несравнимо больше предыдущих, «было решено перейти на “многopартийную” систему, имея несколько мобильных партий, параллельно работающих с разными языками» [Кибрик 2007: 26].

Значение вышедшего в 1988 и 1990 гг. двухтомного «Сопоставительного изучения дагестанских языков» [Кибрик, Кодзасов 1988; 1990] трудно переоценить — в нем собран уникальный справочный материал по фонетике, морфологии и лексике дагестанских языков, который и в настоящее время активно используется кавказоведами, типологами и компаративистами. В частности, он лег в основу дагестанской реконструкции С. А. Старостина и С. Л. Николаева [Nikolayev, Starostin 1994], и, как пишет сам А. Е. Кибрик, «за это время к нам не поступило ни одной претензии о той или иной ошибке в этом словаре» [Кибрик 2007: 443].

Таким образом, дагестанские полевые штудии А. Е. Кибрика в 1970—1980-х гг. обогатили науку разработкой методики полевой работы, фундаментальным описанием грамматики хиналугского языка, уникальным описанием грамматики арчинского языка, а также самым крупномасштабным проектом в истории кавказоведения — сопоставительным словарем дагестанских языков. Кроме того, уже после возобновления экспедиций в Дагестан в 1990-е гг. под руководством А. Е. Кибрика были опубликованы не менее значительные коллективные грамматические описания годоберинского [Kibrik (ed.) 1996], цахурского [Кибрик (ред.) 1999] и багвалинского [Кибрик (ред.) 2001] языков, особое внимание в которых было уделено описанию текстов.

А. Е. Кибрик ездил в экспедиции не только в Дагестан — за его плечами успешный опыт проведения экспедиций в Туву, Абхазию, Грузию, на Памир, на Камчатку. В частности, по результатам камчатских экспедиций 1970-х гг. была опубликована коллективная монография «Язык и фольклор алыторцев» [Кибрик и др. 2000], переведенная на английский язык [Kibrik et al. 2004]. Вот как вспоминает об экспедиции 1971 г. на Камчатку один из создателей модели «Смысл↔Текст» И. А. Мельчук: «Весь месяц в Вывенке пролетел в увлекательнейшей работе. Для меня, лингвиста со стажем и опытом, в профессиональном плане это было необычайно важное событие: так много и за такое короткое время о Языке я еще никогда не узнавал» (Мельчук, kibrik.ru). С 2000-х гг. традицию лингвистических экспедиций кафедры ТиПЛ продолжают ученики А. Е. Кибрика — С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова, С. Ю. Толдова и др.; кроме того, аналогичные экспедиции регулярно организуются в РГГУ, ВШЭ, СПбГУ и ИЛИ РАН.

В последнее десятилетие своей жизни А. Е. Кибрик активно занимался *документированием* малых языков, находящихся под угрозой уничтожения. Документирование отличается от полевой работы тем, что его основная цель состоит в сборе большого корпуса исходных языковых данных, которые позволят в дальнейшем изучать язык, даже если новых данных собрать будет уже нельзя. А. Е. Кибрик принимал участие в проекте «Пять языков Евразии», в рамках которого были осуществлены его последние поездки в Арчи и Хиналуг, а также был автором и редактором двух сборников «Малые языки и народы: существование на грани» [Кибрик (ред.) 2005; 2008].

С середины 1970-х гг., после первого десятилетия активной полевой работы, центр тяжести интересов А. Е. Кибрика естественным образом смещается в область теории языка, в первую очередь *лингвистической типологии*, исследующей принципиальные сходства и различия между языками независимо от общности их

происхождения или ареала распространения. Особенно значительны исследования А. Е. Кибрика в области *синтаксиса эргативных языков*. Ниже будут рассмотрены три важнейших вопроса этой области, связанные между собой: семантическая эргативность, универсальность подлежащего и реляционная структура элементарного предложения. Работы А. Е. Кибрика внесли выдающийся вклад в теорию эргативности, и с начала 1980-х гг. его имя стоит в одном ряду с такими теоретиками эргативности, как Р. Диксон, Ф. Планк, Э. Кинэн и Б. Комри.

В эргативной конструкции актант непереходного глагола, соответствующий подлежащему «среднеевропейского стандарта» (аккузативных языков), и актант переходного глагола, соответствующий прямому дополнению, оформляются номинативным падежом, в то время как актант, соответствующий подлежащему переходного глагола, кодируется маркированным эргативным падежом. По масштабности проделанной работы опубликованные в 1979—1981 гг. семь выпусков «Материалов к типологии эргативности» [Кибрик 1979—1981; Кибрик 2003: 453—678] сравнимы только с «Сопоставительным изучением дагестанских языков». В данной работе двадцать дагестанских языков были описаны по единой базовой схеме, необходимой для определения синтаксического типа языка: управление, согласование, синтаксические актанты, релятивизация, рефлексивизация, каузативизация и сочинение предложений. Один из основных выводов, к которым пришел А. Е. Кибрик, состоял в том, что дагестанские языки относятся к *семантически эргативным* языкам; их принципиальное отличие от аккумулятивных языков состоит «не в специфике выражения субъектно-объектных отношений, а в том, что аккумулятивные языки обладают этими отношениями, а семантически эргативные — нет» [Кибрик 1980/1992: 205—206].

Из такого понимания семантической эргативности вытекает проблема универсальности *подлежащего*, которой А. Е. Кибрик много занимался. До начала 1980 гг. понятие подлежащего было жестко связано с такой его разновидностью, которая реализована в аккумулятивных языках, а языки других типов с этой точки зрения не изучались. Новый многофакторный подход к проблеме подлежащего впервые был продемонстрирован в статье Кинэна [Кинэн 1982], о чем А. Е. Кибрик написал в редакционном предисловии [НЗЛ 1982]. В ставшей классической работе 1979 г. «Подлежащее и проблема универсальной модели языка» Александр Евгеньевич приводит исчисление пятнадцати базовых конструкций предложения исходя из способов кодирования в падежной рамке Агенса и Пациенса, а затем постулирует три базовых принципа кодирования: семантической мотивированности, экономичности и различительности. В этих терминах он описывает пять существующих стратегий построения предложений: так, аккумулятивная и эргативная стратегии различительны и экономичны, активная стратегия семантически мотивирована, контрастивная стратегия различительна и частично семантична, а нейтральная стратегия не различительна и асемантична, но максимально экономична. Степень распространения этих конструкций в языках мира, по А. Е. Кибрику, есть функция от соответствия базовым принципам кодирования. Прочие десять теоретически возможных комбинаций в языках мира не засвидетельствованы, что также хорошо мотивировано базовыми принципами. По мнению А. Е. Кибрика, понятие подлежащего оказывается

релевантно только для языков «сревнеевропейского стандарта», а для всех остальных его наличие в каждом конкретном языке нужно специально доказывать, а не принимать априори, как это принято, в частности, в генеративной теории [Кибрик 1979/1992: 197].

Если допустить неуниверсальность в языках мира субъектно-объектных отношений, то какая общая модель может быть предложена взамен существующих? А. Е. Кибрик формулирует такую модель — *реляционную типологию* [Kibrik 1997 / Кибрик 2003], в которой субъектно-объектные отношения представляют собой лишь один из допустимых типов в пространстве типологических возможностей. Важное отличие модели Кибрика от других известных теорий состоит в том, что, используя ограниченный набор базовых прагматических принципов, она порождает бесконечное множество возможных языковых типов. В самых общих чертах, А. Е. Кибрик выделяет три измерения (грамматические оси): ролевое, коммуникативное и дейктическое, упорядоченные по их относительной значимости от первого к последнему; также выделяются три типа стратегий кодирования: изолирующая (нейтральная), сепаратистская (агглютинативная) и кумулятивная (фузионная); в каждом конкретном языке каждое из трех измерений может быть грамматикализовано в разной степени, например: безосевой язык (риау индонезийский), одноосевой ролевой язык (навахо), одноосевой коммуникативно-ориентированный язык (лису), одноосевой дейктически-ориентированный язык (авапит), многоосевой сепаратистский коммуникативно-ролевой язык (тагальский), многоосевой сепаратистский дейктически-ролевой язык (йимас), многоосевой сепаратистский коммуникативно-дейктический язык (не зафиксирован), многоосевой сепаратистский ролевой-коммуникативно-дейктический (юкагирский); все вышеперечисленные языки образуют класс языков без синтаксических отношений; с другой стороны, многоосевые кумулятивные языки образуют класс языков с синтаксическими отношениями, что обеспечивает существование аккузативных, эргативных, активных и трехчленных языков [Кибрик 2003: 183]. Как представляется, реляционная типология Кибрика намного опередила свое время и еще ждет внимательного прочтения; в частности, в этой теории логично решается вопрос о выделении подлежащего: А. Е. Кибрик подчеркивает, что единого критерия выделения подлежащего в языках с синтаксическими отношениями не существует и в процессе выбора суммируются значения всех осей [Там же: 168].

Кроме вопросов, связанных с эргативностью, известность получили и многие другие типологические работы А. Е. Кибрика; например, со статьи «К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков)» [Кибрик 1970] начались сопоставительные исследования пространственных значений в дагестанских языках; необходимо также отметить важные работы А. Е. Кибрика о вопросах грамматического согласования [Кибрик 2003: 400], а также синтаксисе аллоторского языка [Там же: 378].

В поле зрения А. Е. Кибрика попадали также и общетеоретические вопросы типологии. Так, ему принадлежит разработка методологических основ типологии родственных языков — *внутригенетической типологии*. По А. Е. Кибрику, в области синхронической типологии подобный подход «позволяет дать более полное и

адекватное представление о качественных характеристиках языковых параметров, документировать пространство типологических возможностей вариативных, неустойчивых и структурно сложно устроенных параметров, обнаружить редкие параметры» [Кибрик 2003: 195]. В области диахронической типологии этот метод, по мнению А. Е. Кибрика, является основным и позволяет по-новому взглянуть на проблему объяснения в лингвистике.

Со второй половины 1990-х гг. в работах А. Е. Кибрика все чаще появляется термин «когнитивный». Хотя сам этот термин Александр Евгеньевич стал активно употреблять только в последние десятилетия, идеи когнитивной лингвистики стали близки ему намного раньше, ср. постулат Кибрика 1982 г. о функциональных границах лингвистики и основной постулат когнитивистов — когнитивное обязательство Дж. Лакоффа о необходимости согласовывать построения лингвистов с идеями из других когнитивных наук. Избегая использовать словосочетание «когнитивная лингвистика» (так как в отечественной лингвистике оно часто употребляется в другом значении, а в западной устойчиво ассоциируется с конкретными теориями), А. Е. Кибрик называет свой подход к языку *когнитивно-ориентированным*, определяя его как «объяснительную теорию, опирающуюся на гипотезу о глубинной связи языка и мышления и реконструирующую когнитивную структуру по данным естественного языка» [Кибрик 2008/2015: 57]. В работе 2008 г. А. Е. Кибрик постулирует исходную когнитивную мотивированность языковой формы: «...в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» [Там же: 32], противопоставляя это постулату Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака.

Когнитивный подход к языку А. Е. Кибрик распространяет и на типологические исследования, являясь создателем нового подхода в отечественном языкознании — *когнитивно-ориентированной типологии*. Еще в 1989 г. в одной из самых широко цитируемых статей он противопоставил таксономической КАК-типологии объяснительную ПОЧЕМУ-типологию, призывая лингвистов не останавливаться на описании языкового явления и идти дальше к его объяснению [Кибрик 1989/1992: 27—39]. В одной из последних публикаций, написанных в 2010 г. для интернет-портала «Ломоносов», А. Е. Кибрик выделяет два этапа объяснительной ПОЧЕМУ-типологии — функциональный и когнитивный. На первом этапе типологи исходят из гипотезы, что язык оптимальным образом согласован со способами его использования, описывая конкуренцию двух принципов — принципа экономии и принципа иконичности; на втором этапе они стремятся объяснить разнообразие языков особенностями когнитивной структуры, переходя от алгоритмизированного взгляда на природу языковых процессов к принципам неполной детерминированности и многофакторности. Именно за такой когнитивной типологией А. Е. Кибрик видел будущее и такую типологию он развивал в последние годы жизни. В частности, в работе [Кибрик 2003: 369] лингвистическая реконструкция когнитивной структуры описывается на материале сферы личного дейксиса в алуторском языке, а в статье [Кибрик 2008/2015] — на примере обратимой маркированности в русском, цахурском, даргинском, багвалинском, бенгальском и алуторском языках; наконец,

в посмертно опубликованной статье [Kibrik 2013] речь идет о вариативности клаузуального сочинения в северокавказских языках.

С 1990-х гг. все большее внимание А. Е. Кибрика стал привлекать *когнитивно-ориентированный синтаксис русского языка*. Русский синтаксис всегда был в центре интересов Александра Евгеньевича, особую известность получила его статья «О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания» [Кибрик 1977/1992: 102—122]. Однако в последние годы он стал рассматривать явления русского языка *в типологической перспективе*. В частности, в совместной работе с Е.А. Лютиковой (Богдановой) он предложил системно-когнитивный подход к анализу употреблений русской лексики *сам* [Кибрик, Богданова 1995], а в другом проекте исследовал конструкции с внешним possessором, в которых происходит расщепление исходной семантической валентности предиката, заполненной генитивной группой (напр., *Он поцеловал [ее губы]* vs. *Он поцеловал [ее] [в губы]*) [Кибрик 2003: 307].

В последние десятилетия А. Е. Кибрик особенно много размышлял о специфике лингвистического знания [Там же: 35] и методологии лингвистики [Там же: 47]; кроме того, он успел подготовить много статей по истории лингвистики и, в частности, в увлекательной форме воспоминаний описал историю создания кафедры ТиПЛ [Там же: 80—99] и историю проведения первых лингвистических экспедиций (в частности, [Кибрик 2007]).

Размышляя о будущем лингвистики, А. Е. Кибрик описывает опыт прогноза Бодуэна де Куртене, данного в начале XX в., большинство из предсказаний которого блестящим образом сбылись [Кибрик 1995/2003: 101]. В частности, Бодуэн писал об избавлении от схоластики греко-латинской грамматической схемы, об обнаружении более глубоких родственных связей между языками и группами языков, о применении где только можно метода эксперимента и математического мышления, о приближении лингвистики к разряду точных наук [Бодуэн де Куртене 1963]. Все это характеризовало лингвистику XX в. Во второй части статьи А. Е. Кибрик дает свой прогноз о развитии лингвистики XXI в. Во-первых, лингвистика перестанет занимать периферийное место в научной иерархии и перейдет в разряд главных наук. Во-вторых, она полностью превратится из описательной в объяснительную. В-третьих, теории приобретут недискретный характер. В-четвертых, лингвистика перестанет ограничиваться двумерными моделями. В-пятых, закончится дифференциация отдельных разделов лингвистики и начнется их интеграция в единую науку о языке. В-шестых, взаимодействие лингвистики с другими когнитивными науками станет более тесным и взаимовыгодным. Наконец, в-седьмых, будет необозримо расширена эмпирическая база лингвистики [Кибрик 2003: 102—106]. Время покажет, насколько оправдаются эти прогнозы Александра Евгеньевича.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов и др. 1972 — *Алпатов В. М., Венцель А. Д., Журинский А. Н., Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Поливанова А. К. и др.* 200 задач по языковедению и математике // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8. М.: МГУ, 1972.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Языкознание, или лингвистика, XIX века // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: АН СССР, 1963. С. 3—18.
- Галеев 2014 — *Галеев И. И.* А. Е. Кибрик и творчество Лидии Тимошенко // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 677—679.
- Гигинейшвили 1973 — *Гигинейшвили Б. К.* [Рец. на:] *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянная И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972 // Вопросы языкознания. № 5. М., 1973. С. 148—150.
- Кинэн 1982 — *Кинэн Э.* К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982. С. 236—276.
- Успенский 2009 — *Успенский В. А.* Колмогоров и филологические науки // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2009. № 6. С. 11—20.
- Nikolayev, Starostin 1994 — *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North Caucasian ethymological dictionary. М.: Asterisk, 1994.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А. Е. КИБРИКА

(Полную библиографию работ см. на сайте памяти А. Е. Кибрика www.kibrik.ru)

МОНОГРАФИИ

- Кибрик 1962 — *Кибрик А. Е.* К вопросу о методе определения дифференциальных признаков при спектральном анализе // Вопросы языкознания. № 5. 1962.
- Кибрик 1970 — *Кибрик А. Е.* К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М.: Изд-во МГУ, 1970.
- Кибрик А. Е.* Модель автоматического анализа письменного текста (на материале ограниченного военного подъязыка) // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 3. М.: МГУ, 1970.

- Алпатов В. М., Венцель А. Д., Журинский А. Н., Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Поливанова А. К. и др. 200 задач по языковедению и математике // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8. М.: МГУ, 1972.
- Кибрик 1972 — Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы) // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 10. М.: МГУ, 1972.
- Кибрик 1977/1992 — О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и прикладной лингвистики. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик 1977а — Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. Таксономическая грамматика // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 12. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик 1977б — Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 3. Динамическая грамматика // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 13. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик 1979/1992 — Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия ОЛЯ АН СССР. № 4. 1979. (2-е изд.: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: МГУ, 1992.)
- Кибрик 1979—1981 — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. 1979—1981. Вып. 126, 127, 128, 129, 130, 140, 141.
- Кибрик 1980/1992 — Кибрик А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. № 4. 1980. (2-е изд.: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: МГУ, 1992.)
- Кибрик 1983/1992 — Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания языка. Труды по искусственному интеллекту. Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1983. Вып. 621. С. 24—39. (2-е изд.: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: МГУ, 1992.)
- Кибрик 1989/1992 — Кибрик А. Е. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // Вопросы языкознания. № 1. 1989. (2-е изд.: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: МГУ, 1992.)
- Кибрик А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ. № 5. 1995.
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке. М.: МГУ, 1992.
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетей, 2003.
- Кибрик 2004 — Кибрик А. Е. Методы коллективной полевой работы: школа филфака МГУ // Вестник МГУ. 2004. № 6. С. 24—42.
- Кибрик 2007 — Кибрик А. Е. Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // На меже меж Голосом и Эхом. Сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 308—328.

- Кибрик 2008/2015 — *Кибрик А. Е.* Когнитивный подход к языку // Компьютеры, мозг, познание. Успехи когнитивных наук. Наука, М., 2008. С. 202—232; *Кибрик А. Е.* Когнитивный подход к языку // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: ЯСК, 2015. С. 29—59.
- Кибрик 2011 — *Кибрик А. Е.* А. Н. Колмогоров и лингвистика // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 14 (49). М.: Янус-К., 2011.
- Кибрик А. Е.* (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
- Кибрик А. Е.* (ред.). Эдвард Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Кибрик (ред.) 1999 — *Кибрик А. Е.* (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Кибрик (ред.) 2001 — *Кибрик А. Е.* (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М.: Наследие, 2001.
- Кибрик (ред.) 2005 — *Кибрик А. Е.* (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005.
- Кибрик (ред.) 2008 — *Кибрик А. Е.* (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 2. Тексты и словарные материалы. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Кибрик (сост.) 2004 — *Кибрик А. Е.* (сост.). Лидия Тимошенко. Реальность других измерений: дневники, письма, воспоминания. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Кибрик и др. 1972 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 9. М.: МГУ, 1972.
- Кибрик и др. 1977а — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика. Фонетика // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 11. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик и др. 1977б — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С.* Арчинский язык: тексты и словари // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 14. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик и др. 2000 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие, 2000.
- Кибрик, Богданова 1995 — *Кибрик А. Е., Богданова Е. А.* САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Кибрик, Галеев (сост.) 2005 — *Кибрик А. Е., Галеев И. И.* (сост.). Тимошенко Лидия Яковлевна (1903—1976). М., 2005.
- Кибрик, Кодзасов 1988 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988.
- Кибрик, Кодзасов 1990 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990.
- Кибрик, Нариньяни (ред.) 1987 — *Кибрик А. Е., Нариньяни А. С.* (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987.

- Kibrik 1977 — *Kibrik A.* The methodology of field investigations in linguistics (setting up the problem). *Janua Linguarum. Series Minor*, 142. The Hague; Paris: Mouton, 1977.
- Кибрик 1995/2003 — Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ. № 5. 1995. (Перепеч. в: Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003.)
- Kibrik (ed.) 1996 — *Kibrik A. E.* (ed.). *Godoberi. Lincom Studies in Caucasian Linguistics.* München; Newcastle, 1996.
- Kibrik et al. 2004 — *Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Muravyova I. A.* Language and folklore of the Alutor people. Osaka: Osaka Gakuin University, 2004.
- Kibrik 2013 — *Kibrik A. E.* Lessons of variability in clause coordination: Evidence from North Caucasian languages // *Bickel B., Grenoble L. A., Peterson D. A., Timberlake A.* (eds). *Language Typology and Historical Contingency: In honor of Johanna Nichols.* John Benjamins, 2013. P. 125—152.
- Kibrik 1997/Кибрик 2003 — *Kibrik A. E.* Beyond subject and object: toward a comprehensive relational typology // *Linguistic typology.* Vol.1. № 3, 1997. P. 1—68. (Пер. и перепеч. в кн. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003.)

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ОБ А. Е. КИБРИКЕ

- Алпатов 2013 — *Алпатов В. М.* Александр Евгеньевич Кибрик: от структурализма к новым идеям // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 17—26.
- Лютикова, Татевосов 2012 — *Лютикова Е. А., Татевосов С. Г.* 1967 // Александр Евгеньевич Кибрик. In *memoriam.* Материалы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. М., 2012. С. 85—87.
- НЗЛ 1982 — Новое в зарубежной лингвистике. 1982.
- Плунгян 2012 — *Плунгян В. А.* Потери // *Троицкий Вариант.* 2012. № 116. С. 12—13.
- Самедов 2012 — *Самедов Д.* Мой учитель и наставник // Александр Евгеньевич Кибрик. In *memoriam.* Мат-лы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. М., 2012. С. 120—121.
- Селегей 2012 — *Селегей В. П.* Непрямолинейная компьютерная лингвистика А. Е. Кибрика // Александр Евгеньевич Кибрик. In *memoriam.* Мат-лы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. М., 2012. С. 122—124.
- Сепир 1993 — *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
- Тестелец 2012 — *Тестелец Я. Г.* Необходимость «Лингвистических постулатов» 1982 г. // Александр Евгеньевич Кибрик. In *memoriam.* Мат-лы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. М., 2012. С. 135—137.
- Чумакина 2014 — *Чумакина М. Э.* Семантическое согласование в арчинском языке // Гл. ред. *В. А. Плунгян.* Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 454—470.